

РОМАН В СТИХАХ: ЖАНР ИЛИ КОНТАМИНАЦИЯ ЖАНРОВ

VERSE NOVEL: GENRE OR CONTAMINATION OF GENRES

Y. Bagrov

Annotation

The question about genre contamination in Pushkin's verse novel 'Eugene Onegin' is regarded in this paper in the context of his earlier works.

Keywords: Verse novel, compound genre, Pushkin, Eugene Onegin.

Багров Юрий Дмитриевич

Санкт-Петербургский
государственный университет
Сервиса и Экономики

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о комбинации жанров в романе А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Роман в стихах рассматривается в контексте раннего творчества поэта.

Ключевые слова:

Стихотворный роман, комбинированный жанр, Пушкин, Евгений Онегин.

Впервые вопрос о комбинированной поэме поднял Ю. Н. Тынянов, который, характеризуя поэму "Руслан и Людмила", отмечал, что автор, включая в состав младшего эпоса другие жанры, создал на этой основе новый – "комбинированный" – жанр [1]. Вслед за Тыняновым, мы будем понимать под комбинированным жанром совмещение в рамках одного произведения структурных черт различных жанров, сложившихся в предшествующей традиции и всё ещё сохраняющихся в литературном репертуаре.

В "Евгении Онегине" также совмещаются черты различных жанров. Признано, что роман продолжает линию, начатую Пушкиным ещё в "Руслане и Людмиле", – линию ариостовско-вольтеровской традиции, с типичным для неё двуплановым повествованием, разделённым на объективную и субъективную, сюжетную и авторскую сферы. Наследует шутливой поэме и ставшая одной из важнейших черт романа особая манера игры с читательским ожиданием, которое то оправдывается, то обманывается в иронично-игровой форме. Значительная редукция фабулы также являлась особенностью шутливой поэмы. В "Евгении Онегине" эта тенденция доводится до максимума: роман, предполагающий, по определению, насыщенный сюжет с несколькими сюжетными линиями, имеет минимальный событийный план, тогда как субъективная авторская сфера максимально расширена.

Изучению образа автора, посвящена обширная научная литература, нас же в связи с проблемой комбинации интересует та функция, которую авторский образ приобретает в комбинированном жанре. Авторская инстанция – воплощение сознания, объединяющее своей позицией

всё многообразие структурных элементов романа. Автор также постоянно вступает в диалог с читателем, и повествование становится предметом обсуждения, что способствует единству его восприятия. Характер непринуждённой беседы с читателем-адресатом также способствовал большей свободе самых различных комбинаций и оправдывал отступления и противоречивые, с точки зрения традиции, элементы. Принципиально иной характер традиционной повествовательной модели, делающей акцент на сюжетном действии, такой свободы не давал. Благодаря авторскому образу проводится в романе разграничение автора и героя, также идущее от традиции шутливой поэмы, с которой роман сопоставляется по линии Ариосто – Вольтер – Байрон. Для Байрона отделение героя от автора – акт насилия над собой. Пушкин же, словно в ответ, заявляет: "Всегда я рад заметить разность между Онегиным и мной" [2].

Фабульно роман близок традиции байронической поэмы. В основе восточных повестей Байрона лежит новеллистический сюжет, развивающийся в условном романтическом мире. При этом фабульные события важны как отражение внутреннего конфликта героя, из чего вытекает характерное несоответствие фабулы и сюжета и отсутствие описания промежуточных событий – черта, которую В. М. Жирмунский назвал "вершинностью" [3]: поэма описывает лишь моменты наибольшего драматического напряжения, вершины действия. В первой песне герой показан в момент высокого внутреннего напряжения, что роднит начало поэмы с картиной, открывающей драму.

Действующие лица байронической поэмы могут быть

описаны с точки зрения их функций. Главный герой, как правило, духовно близок автору и читателю, является человеком одной с ними культуры. Причиной конфликта является его чувство к возлюбленной, характер которой, как правило, в байронической поэме не разрабатывается. Противостоит им тиран-антагонист, имеющий власть над возлюбленной героя.

Эта структурная схема уже в южных поэмах разрабатывается и развивается не подражательно, а как отсылка к соответствующей традиции. С ней в начале своём сходна и фабула "Евгения Онегина": герой попадает в непривычный для столичного жителя мир деревни, где сталкивается с принадлежащей этому миру героиней и отвергает её. Но сюжет этим не исчерпывается: Пушкин создаёт симметричную структуру-перевёртыш, и в чужом для неё светском обществе оказывается уже Татьяна, а Онегин, поменявшись с ней ролями, безуспешно добивается её любви. Встреча же Евгения с мужем Татьяны, выступающим как бы в функции антагониста, едва лишь намечена в тексте.

Мир деревни, находящийся, как и в восточных повестях, вне пределов европейской цивилизации, функционально соотносится с Востоком в поэмах Байрона, однако существенно отличается от него по ряду признаков. Во-первых, как уже отмечалось, он не является романтической условностью, а отождествляется с реальной деревней начала XIX века. Тем самым пространство и время в романе конкретизируются, повествование сближается с действительностью. Во-вторых, деревня, чуждая Евгению, не враждебна герою: для него, отделённого от национального уклада жизни, чужой оказывается часть своего пространства. Этот парадокс подчёркивается и явной приобщённостью к сельской жизни автора [4].

Как и в байронической поэме, в начале романного повествования нам дан герой. Однако лирическое вступление в романе отсутствует, и Первая глава открывается внутренним монологом Евгения, что усиливает эффект погружения в повествование. Но характерное для аналогичных сцен в восточных повестях внутреннее напряжение, в котором мы застаём героя, вызвано вовсе не драматическим конфликтом, переживаемым им. "Конфликт", занимающий мысли Евгения, состоит в борьбе между осознанием необходимости ехать к умирающему дяде и

нежеланием "вздыхать и думать про себя: когда же чорт возьмёт тебя!" [2]. Вместо романтических переживаний в первой строфе романе демонстрируются приземлённые и несколько циничные мысли Онегина, но, хотя мы ещё ничего не знаем о герое, этот монолог не снижает его: напротив, Евгений показан выходцем из близкой автору и читателю среды. Задача изображения типичного представителя "образованного" общества окончательно сблизила сюжетную схему с реальностью, продолжив логику развития байроновской модели у Пушкина.

По тому же принципу построен и финал "Евгения Онегина". Если для байронической поэмы характерна трагическая развязка как одна из вершин, то в стихотворном романе Пушкин, начав повествование без предисловий и описания предшествующих обстоятельств, также неожиданно и обрывает его, парадоксально оформляя тем самым симметричную структуру романа.

Редуцированная фабула романа тяготеет к вершинности восточных поэм, но в тексте доминирует субъективное лирическое начало, благодаря которому повествование не воспринимается как отрывочное. Ряд отличий от байронической традиции продиктован также жанровой природой поэм, разрабатывающих новеллистический сюжет, и романа, фабула которого, несмотря на редукцию, несколько более насыщена, чем, скажем, фабула "Кавказского пленника". Однако для описания романа как комбинированной поэмы мало описать составляющие комбинации, необходимо также установить механизмы, делающие его единым художественным целым.

Как уже отмечалось, цельному восприятию текста способствовал образ автора: все разнообразные структурные элементы, вступающие в отношения комбинации, были равно вняты этой субъективной инстанции, подавались сквозь призму авторского сознания. Отсылки к соответствующим традициям принимали разную форму – от иронии и насмешки до прямой рефлексии – и были по-разному представлены абстрактному читателю. Активное включение последнего в восприятие различных композиционно-структурных элементов и их соотношения способствовали не только впечатлению цельности текста, но и осознанию созданной как бы на глазах у читателя новой композиционной модели как нового жанрового образования – романа в стихах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тынянов Ю.Н. Пушкин. // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М. 1968. С. 137.
2. Пушкин А.С. Евгений Онегин. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. М. – Л. 1949. Т.5,
3. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л. 1978. С. 54.
4. Сидяков Л. С. "Евгений Онегин", "Цыганы" и "Граф Нулин" (К эволюции пушкинского стихотворного повествования). // Пушкин. Исследования и материалы. Л. 1978. Т. VIII, С. 10 – 11.